

ВСТРЕЧИ С ИНТЕРЕСНЫМИ ЛЮДЬМИ

ЖИЗНЬ, КАК ПОДВИГ

В нем пластика и ловкость акробата,
Его движения грации полны,
В нем мужество бывалого солдата,
Прошедшего сквозь сто арен войны.
(Из письма зрителя, которое на днях получено дирекцией Оренбургского цирка).

НА КАЖДОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ оренбургского цирка ведущий программу объявляет:
— Заслуженный артист РСФСР, ваш земляк Лев Осинский!

Гремит оркестр. Акробат в белом, невысокий, стройный делает стойку на правой руке. Потом выдвигающийся вверх стержень поднимает его в стойке на пятиметровую высоту. И вот выхваченная из тьмы прожектором под самым куполом вращается изящного и строгого рисунка фигура.

Отличный номер, отличный артист, прославивший советский цирк на манежах нашей страны, ГДР, Польши, Румынии, Болгарии, Югославии, Греции, ФРГ, Бельгии, Голландии, Люксембурга, Франции, Вьетнама, Китая, Японии...

До начала представления час.
— Рассказать о себе? Трудную вы мне задачку задали, — улыбается Лев Осинский. Правой рукой достает из пачки папиросу, правой же прикуривает. Вместо левой у акробата протез.

В ДЕТСТВЕ Лев Александрович жил в Оренбурге, учился в шестой школе, а затем воспитывался в детском доме.

Попав вскоре в Тбилиси, он встретился с Волжанскими. Любители цирка знают эту прославленную цирковую семью. Люди они оказались очень хорошие, в общем настоящие «цирковые», как называют себя артисты цирка. В цирке народ, как правило, очень отзывчивый и своему делу предан навсегда. Вероятно, специфика сказывается. Артист цирка, особенно если он укротитель, воздушный гимнаст, канатоходец, акробат-прыгун, не может даже чуть-чуть «схалтурить», не рискуя своей жизнью.

Волжанские взяли Леву к себе. Марина Волжанская, хотя была всего на 7 лет старше, по-матерински опекала его. Владимир и Николай учили его акробатике.

В один прекрасный день уселись в первом ряду члены худсовета, дали полный свет, и Лев Осинский показал на арене все, на что он способен. С тех пор его стали считать настоящим артистом цирка.

Два года счастья, успеха. Новые города, яркий свет прожекторов, музыка, аплодисменты. Владимир Волжанский предрекал Осинскому большое будущее.

А в 42-м году ни на одном из манежей Осинского не было: акробат стал артиллеристом-наводчиком.

НА КУРСКОЙ ДУГЕ шли ожесточенные бои. Сквозь нашу наступавшую пехоту прорвались немецкие танки. Их встретили артиллеристы. Во ржи дымил подбитый танк. Бой затихал. Здоровые чумазные ребята из орудиного расчета Льва Осинского (он был командиром орудия и комсоргом полка) с веселой шуткой спешили нарисовать еще одну звездочку рядом с теми, которые обозначали победы на пути от Сталинграда до Белгорода.

— Мальчишки, — любовно подумал Осинский, хотя самому-то было всего девятнадцать.

И вдруг он почувствовал, как будто кто-то смотрит на него сбоку пристальным взглядом. Он обернулся и увидел, как, вывалившись из-за холма, его и его ребят нашивал пушкой фашистский танк, прорвавшийся где-то на фланге.

Когда Осинский очнулся, все было кончено. И ребят не было, и орудия.

А у него самого болталась на сухожилиях левая рука.

Зубами и правой рукой он сумел перетянуть ремнем оставшийся от руки обрубок, остановил хлеставшую кровь, добрался до командования, доложил о случившемся, сдал полковые комсомольские документы, и только после этого санитары уложили его на носилки. Несмотря на нестерпимую боль, сознания он не терял. Сказалась атлетическая закалка.

В ГОСПИТАЛЕ, чуть только станет полегче, люди знакомятся быстро. На второй день сосед, пожилой солдат, тоже без руки, сказал: — Я вот до войны в колхозе работал. А ты, сынок?

Лев ответил, не открывая глаз: — В цирке.

— В цирке? — удивился сосед. Помолчал. — Я за всю жизнь в цирке три раза был. Здорово это вы работаете. — Опять помолчал. — А теперь куда?

И Лев с болью отметил: да, теперь надо куда-то. Не в цирк. Кому нужен однорукий акробат?

Сосед подождал ответа и сказал: «Спит». Сказал нарочно, потому что понял, как разбередил душевную рану. А такие раны затягиваются куда хуже, чем раны от пули и осколков.

Лев Осинский неплохо фотографировал, рисовал. И решил он, что после госпиталя пойдет в училище прикладного искусства.

А ночью ему снился цирк: он выжимал стойку на двух руках на самом вершине пирамиды.

Проснувшись, он долго лежал, глядя в темноту. Неужели это возможно?

У ЦИРКОВОГО артиста может быть своя отдельная, благоустроенная квартира, и все равно его дом — цирк. Куда было пойти Льву Осинскому, когда он приехал после госпиталя в Москву, как не в цирк?

Уже полузабытый теплый запах, запах опилок и зверья. Манеж полусвешен, где-то разучивал свою партию трубач. Репетиции еще не начались. И вдруг:

— Осинский! Ты или не ты?

Лев обернулся и увидел Евгения Михайловича Кузнецова, заслуженного деятеля искусств, заместителя начальника «Союзцирка». Кузнецов обрадовался, крепко жал руку.

— Акробаты нужны позарез. Волжанские сейчас в Тбилиси. Даю телеграмму...

И только тут он увидел под шинелью внакидку пустой левый рукав.

— Я вам дам ответ через десять дней, — сказал Осинский тихо.

СТАРЫЕ ЦИРКОВЫЕ ДРУЗЬЯ проявили такую заботливость, такую душевную щедрость... Они поддерживали в Осинском веру в себя, ободряли. Они были очень деликатны, эти грубоватые на вид люди.

Десять дней были, может быть, самыми трудными в жизни Льва Осинского. Надежда сменялась отчаянием, отчаяние надеждой.

— Надо научиться работать так, чтобы не из жалости и не из восхищения одноруким акробатом аплодировал зритель. Надо работать так, чтобы никто не догадался...

Мучительно болела натруженная рука, ныла рана. Он жил в цирке, никуда не выходя. Он знал только репетиции, репетиции, репетиции. А в перерывах между ними отлеживался в полном изнеможении.

Кузнецов часто заходил в цирк, становился за колонну, чтобы его не было видно, и смотрел. И другие артисты, у кого свободная минута, смотрели откуда-нибудь из темного угла на арену и на акробата с одной рукой.

В цирке умеют ценить мужество.

...Через десять дней Осинский пришел к Кузнецову. Тот усадил в кресло, ждал. Осинский слабо улыбнулся: — Посылайте телеграмму.

Телеграмму Волжанским послали в 12. Через 4 часа из Тбилиси при-

мчался ответ: «Лева, дорогой, прием тебя в любом виде. Целуем и ждем».

Второе рождение артиста цирка Льва Осинского состоялось на том же манеже Тбилисского цирка, где он когда-то начинал.

С тех пор Осинский объездил десятки стран и городов. Через несколько лет Волжанские благословили его на сольный номер.

На первом международном цирковом фестивале в Варшаве, где показывали свое искусство 450 лучших цирковых артистов, Лев Александрович получил высшую награду — золотую медаль. На Всемирной выставке в Брюсселе он блестяще выступил вместе с Олегом Поповым и Валентином Филатовым.

Много тысяч вечеров выходил он на арену, и каждый вечер был продолжением подвига.

...СЛУЧИЛОСЬ ЭТО В ГЕРМАНИИ, в Лейпцигском цирке «Аэрас» на шефском представлении для советских солдат. Об этом случае Осинский рассказал только А. Аронову, известному деятелю советского цирка, повесть которого о нашем земляке скоро появится в «Юности».

Журналисты перед представлением просили показать аппаратуру номера Осинского.

— А если электромотор после того, как поднимет стержень с площадкой, на которой вы делаете финальную стойку, вдруг перестанет работать, как вы спуститесь оттуда, с пятиметровой высоты?

— Никак. — улыбнулся Осинский. — По стержню спуститься нельзя, он в масле, скользкий.

— Да, это большой риск, — покачал головой журналист.

На представлении все шло, как обычно. Вот уже фигура в белом поплыла вверх. Стержень выдвинут полностью. Сейчас начнется вращение. Но что это? Легкий толчок — и в цирке погас свет. Осинский в полной темноте стоит в стойке на одной руке на высоте двухэтажного дома. Обычно он выбирает точку на руке и смотрит только на нее — это закон эквилибра. Посмотришь в сторону — согнешься. А тут полная темнота. Стержень начал мелко вибрировать.

— Свет! Почему нет света? — раздался крик.

Вспыхнул огонек, другой — это солдаты выхватывали из карманов спички и зажигалки. Ударил луч карманного фонаря. Вспыхнула подожженная кем-то газета. В глазах рябило от огоньков, кровь прихлынула в голову. Свет спичек и фонариков не спасет, нужен ток, чтобы заработал электромотор и спустил вниз площадку с акробатом.

— Свет! Свет! — ревел цирк.

Стержень вибрировал все сильнее. Чудо, что он до сих пор не сорвался вниз головой. Ладонь стала мокрой, скользкой. А время бежало.

— Саша! Лестницу! — крикнул он вниз, в полумрак униформисту.

Саша бросился за лестницей. Но на постоянном месте ее не оказалось. Кто выключил свет? Кто спрятал лестницу? Саша бежал по темным переходам цирка... А под куполом, стиснув зубы, стоял в стойке на правой руке акробат, стоял до тех пор, пока в цирке снова не зажгется свет.

Директору цирка Лангельфельду, бывшему гитлеровскому солдату, вскоре бежавшему в ФРГ, не удалось убить советского солдата Льва Осинского.

— Папа, скоро твой выход, — напомнила дочка Маринка.

...Осинский уходит на манеж. Уходит на свой повседневный, буднич- ный подвиг один из тех, кого ничто в жизни не вышибет из седла. Один из тех, кто, победив несчастье, вернулся к любимому делу.

В. САВЕЛЬЗОН.